

Е. В. Верижникова (Москва)

РОЛЬ ГРАММАТИКИ КРУМЕ КЕПЕСКОГО В КОДИФИКАЦИИ МАКЕДОНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Введение

Македонский литературный язык являет пример успешно и в кратчайшие сроки проведенной кодификации. В настоящее время это развитый полифункциональный язык самостоятельного государства, обслуживающий все сферы жизни общества. Инструментами кодификации всех языковых уровней стали орфографические кодексы (МП 1945; МП 1950; Правопис 1970), трехтомный толково-переводной словарь (РМЈ 1961–1966) и две грамматики, Круме Кепеского (Кепески 1946) и Блаже Конеского (Конески 1952–1954), обозначившие первый подход к грамматическому нормированию языка и его блестящее завершение. Выбор диалектной базы и селекция нормируемого языкового материала были сознательными, но успех был достигнут благодаря опоре на богатство народного языка на всей языковой территории, глубокому знанию его истории и тенденций развития, учету достижений деятелей национального возрождения XIX — начала XX в. Норма не была навязана языку, она была подсказана языком и услышана кодификаторами.

Роль центрального труда македонской кодификации — нормативной грамматики Блаже Конеского — и ее непреходящее

значение широко освещались в науке. Остающееся классическим научное сочинение содержит тонкий анализ языковых явлений на богатейшем материале фольклора и художественной литературы. Глубина грамматической мысли, понимание языковых процессов сочетается с ясностью изложения, и это достоинство расширяет круг тех, кому предназначалась книга.

Грамматике Круме Кепеского (1909–1988) уделено гораздо меньше внимания. Между тем нельзя не согласиться с Д. Пандевым (2014)¹, что Кепески занимает значительное, но все еще не нашедшее должной оценки место в ряду македонских грамматистов. Он является связующим звеном между филологами предкодификационной фазы македонского языка и авторами грамматик, созданных после кодификации, в лице Блаже Конеского и, в рамках мировой лингвистики, Хораса Ланта. Грамматика американского лингвиста Х. Ланта вышла в Скопье на английском языке (Lunt 1952), что имело большое значение для международного признания молодого славянского литературного языка.

¹ «В Рецензии на рукопись “Книги о Круме Кепеском”, под редакцией Петара Бачанова, проф. д-р Димитар Пандев в 1999 г. дает весьма релевантную оценку. <...> “Кепески занимает важную, но до сих пор ясно не обозначенную позицию в непрерывной линии, в парадигме македонских грамматистов, где именно Кепески является связующим звеном между македонскими филологами — авторами грамматик докодификационного этапа македонского языка и грамматистами послекодификационной фазы, представленными в македонском языкознании, прежде всего, Блаже Конеским, а в мировой лингвистике — Хорасом Лантом”» (*Во Рецензијата за ракописот “Книга за Круме Кепески”, што ја приреди Петар Бачанов, проф. д-р Димитар Пандев ја дава, во 1999 година, мошне релевантната оцена. <...> «Во таа смисла, Кепески зазема една значајна, но сè уште јасно неоценета позиција во линијата, парадигмата македонски граматичари, во која токму Кепески ја претставува врската меѓу македонските филолози-граматичари од преткодификационата фаза на македонскиот јазик и следователно, фазата по кодификацијата, која во македонската наука за јазикот основно се претставува преку Блаже Конески, а во светски лингвистички рамки преку Хорас Лант»*) (Кепеска 2014: 321).

Нельзя не отдать должное энтузиазму, языковому чутью, таланту кодификаторов, блистательно справившихся с задачей в весьма непростых условиях.

На протяжении длительного периода исторические и социально-политические обстоятельства не позволяли македонскому этносу оформить собственный наддиалектный стандарт, поскольку Македония входила в состав государств, где официальным всегда был чужой язык. Более того, македонцам долгое время отказывали в праве на национальную идентичность, а по итогам Балканских войн 1912–1913 гг. историческая территория Македонии была разделена между соседними государствами: Грецией (Эгейская Македония), Сербией (Вардарская Македония) и Болгарией (Пиринская Македония). Родной язык мог использоваться только при неофициальном общении, языковой ландшафт отличала значительная диалектная дифференциация. Культурные потребности обеспечивал наддиалектный идиом фольклора, а в церкви — церковнославянский в различных редакциях или греческий язык (Усикова 2005: 103). Древняя книжная традиция под иноземным господством в значительной степени затухла, большая часть населения была неграмотной, а те, кто получил образование, учились на неродном языке. Попытки оформить литературный язык, предпринимавшиеся во второй половине XIX — в начале XX в. деятелями национального возрождения, потерпели неудачу. Наиболее важный в этом отношении опыт — написанная в 1903 г. книга «О македонских делах» (*За македонските работи*) (Мисирков 1974), в которой ее автор, выпускник Санкт-Петербургского университета Крсте Петков Мисирков, отстаивает македонскую национальную идентичность и обосновывает необходимость оформления литературного языка на базе центральных западномакедонских говоров. Язык книги представляет собой практическое воплощение идей автора. К сожалению, напечатанный в Софии тираж был сразу же уничтожен, сохранилось лишь несколько экземпляров, а широким народным массам книга стала известна только после ее публикации в свободной Македонии в 1946 г.

2 августа 1944 г. на заседании АСНОМ (Антифашистского собрания народного освобождения Македонии), провозгласившем

вступление Македонии (Вардарской части) как равноправного субъекта в состав федеративной Югославии, было принято историческое решение, которым македонский язык вводился в употребление в качестве официального.

Кодификаторам предстояло проведение нормализации на всех языковых уровнях. Отсутствовал даже собственный алфавит, прежде для записей текстов использовалась сербская, болгарская и греческая графика. Македонская языковая территория представляла собой континуум локальных говоров, региональных и городских койне. Разумеется, богатейшим источником для выработки нормы было наследие устного народного творчества, а также созданные в период между двумя мировыми войнами драматургические и поэтические произведения. Немаловажным стал опыт партизанской печати: в годы народно-освободительной борьбы выходило около 50 газет, положивших начало формированию наддиалектных черт (Стаматоски 1986: 159).

Из всего разнообразия языковых явлений необходимо было отобрать те, которые будут возведены в ранг литературной нормы. Задача была тем труднее, что македонский язык в результате конвергентного развития в условиях многосторонних языковых контактов при отсутствии сдерживающего фактора литературной традиции претерпел серьезные морфосинтаксические изменения. Это привело к тому, что к моменту кодификации он представлял собой язык по преимуществу аналитического типа, который значительно отличался от своих флективно-синтетических славянских родственников. Кодификаторам приходилось также принимать во внимание, что новые черты (так называемые балканизмы) представлены по диалектам неравномерно, в зависимости от степени близости / удаленности от центра инновации, характера ее продвижения (Видоески 1998; Цыхун 1981).

В выработке принципов, на которых основывается литературный язык, и подготовке проекта алфавита участвовали уроженцы разных краев Македонии, лингвисты, поэты, писатели, публицисты. К маю 1945 г. были сформулированы базовые положения:

1. Нормы македонского литературного языка опираются на центральные говоры западной диалектной группы (прилепский, битольский, велесский, кичевский) как в наибольшей степени

отражающие специфику языка и равно приемлемые для жителей остальных краев.

2. В литературном языке должна во всей полноте найти отражение его народная основа. Лексика пополняется из фонда всех македонских диалектов. Для образования новых слов используются живые словообразовательные средства и лишь в случае необходимости заимствуются иноязычные слова.

3. Ведущим орфографическим принципом является фонетический (Конески 1957: 63).

В пасхальном номере газеты «Новая Македония» (*Нова Македонија*) от 5–7 мая 1945 г. был опубликован македонский кириллический алфавит, состоящий из 31 буквы, среди которых *ц*, *љ*, *њ* из сербской кириллицы, *с* из старославянской азбуки и созданные для специфических македонских звуков графемы *ќ* и *џ*.

7 июня 1945 г. Министерство народного просвещения приняло первый орфографический кодекс (МП 1945), включающий четыре раздела: I. Основные орфографические правила; II. Обзор форм; III. Употребление прописной буквы; IV. Пунктуация. Первый раздел очерчивает круг возводимых в норму фонетических явлений: *а* как рефлекс праславянского носового переднего ряда (отличительная черта центральных говоров): *рака* ‘рука’, *пат* ‘путь’, *мака* ‘мука’, *тага* ‘печаль’; *ол* на месте слогового *л*: *солза* ‘слеза’, *волк* ‘волк’, *јаболко* ‘яблоко’. Следует отметить, что принимаются не все черты, присущие, в частности, центральному прилепскому говору: так, в корнях сохраняется утрачиваемый в нем интервокальный *в*: *човек* ‘человек’, *говедо* ‘крупное рогатое жвачное животное’, *бивол* ‘буйвол’. На этом этапе еще признаются допустимыми оба варианта окончания множественного числа односложных существительных мужского рода, с интервокальным *в* и без него: *денои* и *денови*. Уже в следующем кодексе, 1950 г., нормативными будут признаны только формы *с в*: *денови*.

В кодексе сделан и первый шаг в направлении грамматической прескрипции. Второй раздел содержит информацию о словоизменении частей речи для тех случаев, где по говорам представлены разные варианты. Конечно, это пока весьма скудные сведения, но они точно фиксируют принципиальные для будущего литературного языка вопросы. В частности, закрепляются три

вида постпозитивного артикля (*-от / -та / -то / -те, -ов / -ва / -во / -ве, -он / -на / -но / -не*), а также некоторые окончания множественного числа существительных (*-ови, -иња*). Приводятся списки числительных, личных, указательных и относительных местоимений. Кодифицируются три парадигматических класса глаголов в зависимости от тематического гласного основы настоящего времени (*-а, -е, -и*)². Нормирование глагольных основ было особенно важным, поскольку македонские диалекты демонстрируют в этом отношении пеструю картину, во многих из них произошло обобщение глаголов *и-* и *е-* класса в один парадигматический тип, причем по говорам результаты такого обобщения различны. Приводятся образцы спряжения глаголов всех трех классов в настоящем и прошедших временах (аористе, имперфекте, перфекте). Указываются формы повелительного наклонения, деепричастия и глагольные существительные.

После выхода орфографического кодекса со всей остротой встал вопрос о создании грамматики. По всей стране открывались школы, курсы ликвидации неграмотности, насущной задачей была подготовка учителей.

2. Грамматика Круме Кепеского как этап в кодификации македонского литературного языка

Первая македонская грамматика вышла из печати 26 января 1946 г. Автором этой восьмидесятистраничной книжки, напечатанной мгновенно разошедшимся тиражом 16 000 экземпляров, был дипломированный филолог Круме Кепески. Он был уроженцем города Прилепа, говор которого — один из центральных, т. е. базовых для литературного стандарта. На обложке значится:

² В 1948 г. были внесены некоторые исправления и уточнения. Важнейшие касались прежде всего первоначально кодифицированных имперфективных форм с суффиксом *-уе*, которые были заменены формами на *-ува*, что вызвало переход большей группы глаголов из *е-* класса в *а-* класс. Кроме того, было установлено, что глагольные существительные от основ несовершенного вида образуются с суффиксом *-ње*, а не *-ние*.

«Решением Министерства народного просвещения Македонии № 343 от 24. I. 1946 г. грамматика рекомендована в качестве учебника для средних школ»³ (Кепески 1946).

Круме Кепески получил начальное образование в родном городе, среднее — в Битоле. В 1935 г. окончил философский факультет Белградского университета по специальности «сербохорватский и старославянский языки», преподавал славянскую филологию, сербский язык и литературу в гимназии в Прилепе. В 1942 г. был переведен в Плевен, где также учительствовал. В 1944 г. вступил в ряды македонской освободительной бригады им. Гоце Делчева. После войны преподавал родной язык, занимался издательской и редакторской деятельностью, вопросами лингводидактики. В общей сложности Кепеским написано около пятидесяти школьных учебников и пособий по грамматике для разных классов. Ему принадлежит и первая в Македонии грамматика цыганского языка, созданная в соавторстве с Шаипом Юсуфом (Šaip Jusuf). Велика роль Круме Кепеского в подготовке учителей для македонских школ, в обучении сценической речи театральных актеров, в деле языкового строительства. На протяжении всей жизни он постоянно выступал в печати со статьями по культуре речи, принимал активное участие в разработке национальной терминологии (Бачанов 1999).

Еще будучи студентом, К. Кепески под руководством профессора Александра Белича описал свой родной говор. Научный труд был защищен и рекомендован к публикации в 1941 г., но тогда так и остался в рукописи, увидев свет лишь после смерти автора (Кепески 1993). В 30-х гг. у молодого лингвиста возникла мысль написать грамматику. По его собственным воспоминаниям, вместе со студентами-соотечественниками, среди которых был и другой будущий кодификатор, Крум Тошев, они часто обсуждали, каким должен быть македонский литературный язык. В качестве базы предлагались разные говоры: охридский, штипский. Кепески и Тошев сходились во мнении, что это должно быть центральное

---

³ «Со решение од Министерството на народната просвета на Македонија бр. 343, од 24. I. 1946 г., се одобруе оваа граматика за учебник во средните училишта».

ядро: Прилеп — Велес — Битола, поскольку именно эти говоры в наибольшей степени отражают самобытность македонского языка. Так и произошло впоследствии. К. Кепески отмечает, что это было самостоятельное решение, ведь с книгой Крсте Мисиркова они не были знакомы.

Писать грамматику Круме Кепески начал по собственной инициативе в феврале 1945 г., столкнувшись с большими трудностями. Опубликованный тем временем орфографический кодекс стал ориентиром и большим подспорьем в работе.

Однако все еще необходимо было основательно изучить грамматические формы, ударение, употребление и значение артикля, глагольные времена, особенности функционирования глаголов и целый ряд не менее важных явлений. Все они были совершенно новыми в нашем языке, — вспоминал Кепески. — Конечно, мне помогло знание старославянского языка, а еще — проведенные мною исследования прилепского и битольского говора. В конце концов, это был язык Кирилла и Мефодия, Климента и Наума, язык, который я знал⁴ (Кепеска 1999: 153).

Автор вынужден был закончить работу в кратчайшие сроки: торопили из министерства просвещения, грамматика требовалась срочно, больше всего в ней нуждались школьные учителя, им самим еще предстояло усвоить норму.

Македонской общественностью грамматика была встречена с воодушевлением, она нашла отклик в других республиках Югославии, ее выход приветствовали зарубежные слависты, такие как С. Б. Бернштейн, Андре Вайан (André Vaillant), Реджинальд

---

⁴ «Но, сеуште требаше темелно да се проучат нашите форми, да се проучи акцентот, да се проучат употребата и значењето на членот, глаголските времиња и особините на глаголите и уште некои не малку значајни работи. Тие беа сосема нови во нашиот јазик. Се разбира, ми помогна моето познавање на старословенскиот јазик, а и изучувањата што ги имав вршено на прилепскиот и битолскиот говор. Конечно, тоа беше јазик на Кирил и Методиј, на Климент и Наум, јазик кој јас го познавав».

Джордж Артур де Брей (Reginald George Arthur de Bray), Антонин Фринта (Antonín Frinta) и др. (Бачанов 1999).

В 1947 г. было напечатано второе издание (Кепески 1947), а в 1950 г. появилось еще одно, расширенное, объемом, вдвое превышающим первоначальный (Кепески 1950). Если первое издание было заявлено как учебник, который поможет «понять основные черты» литературного языка, то новое издание предназначалось уже и тем, кто хочет его выучить. Поскольку оно претендовало на то, чтобы быть не только учебником, но и лингвистическим описанием, на него обратила внимание не только широкая общественность, но и научные круги, поместившие в печати критические отклики. Ниже при характеристике разделов грамматики учитываются замечания и критика, опубликованные уже после второго издания, но в полной мере относящиеся и к первому. Изменения, внесенные во второе издание, оговариваются особо.

В 1950 г. стал выходить научный лингвистический журнал «Македонски јазик», первоначально как ежемесячный бюллетень кафедры южнославянских языков основанного 24 апреля 1949 г. Университета им. Свв. Кирилла и Мефодия, а с 1954 г. как ежегодный орган Института македонского языка. В журнале публиковали труды выдающиеся ученые, кодификаторы литературного языка Блаже Конески, Крум Тошев, Тодор Димитровски, Благоя Борубин, Рада Угринова, Божидар Видоески и многие другие. Шло бурное становление македонской лингвистической науки. В последнем номере журнала за 1950 г. Крум Тошев поместил обстоятельный разбор грамматики с научно-методологической точки зрения, а в первом номере за 1951 г. — с учебно-методической (Тошев 1950б; 1951). Обе статьи содержат анализ и критику всех ее разделов.

В наши задачи не входит выявление ошибок, неточностей и несообразностей первой грамматики, это уже сделано македонской наукой. Наша цель — рассмотреть вклад Круме Кепеского в процесс кодификации, отметить те языковые явления, которые именно им были зафиксированы и нормированы впервые.

3. Структура и содержание первой грамматики Кепеского (1946)

Грамматика содержит шесть разделов: «Введение» (с. 5–14), «Фонетика» (с. 14–24), «Этимология» (с. 24–29), «Морфология» (с. 29–67), «Синтаксис» (с. 67–73), «Пунктуация» (с. 73–78).

В предисловии автор указывает, что книга предназначена для школ, поэтому он стремится излагать грамматический материал как можно более сжато и доступно. Это особенно заметно во введении, которое преследует дидактические цели: дать представление о родном языке, определяющем национальную идентичность, о его корнях, истории, диалектах, привить языковое самосознание молодому поколению, пробудить национальную гордость.

Еден од најглавните црти и белези на народноста е јазикот. По него најлесно се познаваат народите. Секој народ си има свој јазик, како средство со кое што си ги искажуе своите мисли, чувства или желби. Македонците си имаат свој јазик — македонски, Србите — српски, Русите — руски, Французите — француски итн. (Кепески 1946: 5)⁵.

Стиль изложения и вопросно-ответный способ подачи материала заставляют вспомнить учебники XIX в. для детей Кузмана Шапкарева и Георгия Пулевского (Ѓорѓија Пулевски):

Прашање: На кој јазик најлесно си ги кажуеме мислите? Има ли помил и посладок за човека од неговиот мајчин јазик?

Јазикот што сме го научиле од мајка си уште од најрано детинство се вика *мајчин јазик*. Помил и посладок од мајчиниот јазик нема. Каква радост осетуеме кога во туѓина чуеме некој што

⁵ «Один из важнейших отличительных признаков народа — его язык. Именно по языку легче всего определить народ. У каждого народа свой язык, на нем он выражает свои мысли, чувства и желания. У македонцев — македонский, у сербов — сербский, у русских — русский, у французов — французский и т. д.»

ни зборуе на нашиот мајчин јазик. Како лесно си ги кажуеме мислите на него (Кепески 1946: 6–7)⁶.

Впрочем, вопросно-ответная форма подачи выдерживается К. Кепеским непоследовательно. Чем ближе к концу, тем более традиционным для грамматик становится стиль изложения. Это можно объяснить желанием удовлетворить и нужды народного просвещения, и потребность в кодифицирующей грамматике. В авторе с переменным успехом боролись образованный филолог и учитель, имеющий большой опыт работы с детьми. За неунифицированность и излишний пафос критиковал грамматиста К. Тошев, но, думается, восторженность автора вполне понятна, если учесть целевую аудиторию издания, как и то, что македонцам долго отказывали в праве на собственный язык.

В разделе «Фонетика» дается описание органов речи, артикуляции звуков, правил слогоделения, приводится классификация гласных и согласных. Далеко не все здесь можно считать удачей, встречаются досадные ошибки, пропуски и неточности, за что автора справедливо критиковали, но следует помнить, что это первый в науке опыт анализа македонской фонетической системы.

Важнейшим в этом разделе представляется описание нормативного ударения. Разумеется, выбор центральных говоров в качестве диалектной базы литературного языка уже сам по себе предполагал и нормирование фиксированного на третьем слоге от конца слова (пропарокситонического) ударения. Однако именно в грамматике К. Кепеского это сформулировано в явном виде:

Акцентот во нашиот литературен јазик е секогаш на третиот слог од зборот броејки ги слогите од назад накај почетокот

---

⁶ «Вопрос: На каком языке мы легче всего выражаем свои мысли? Есть ли для человека что-то милее и слаще родного языка? Язык, который мы выучили еще в раннем детстве от матери, называется *мајчин* — материнский, родной. Нет ничего милее и слаще родного языка. Какую радость мы ощущаем, когда на чужбине слышим, как кто-то говорит с нами на родном языке! Как легко мы выражаем на нем свои мысли!»

(оддесно на лево). Ако зборот е двосложен, акцентот паѓа на вториот слог од крајот. Пр.: *вóда, нíсмо, сéло*, и сл. Но штом зборот стане трисложен или од повеќе слога акцентот ќе падне на третиот слог од крајот на зборот. Пр.: *дéте-дéчиња-дeчињата; водéница-водeницата* и сл. Воопште кога се уголемуе зборот за еден, два или повеќе слога со додавање на разни наставки, акцентот се менуе, т. е. секојпат иде на третиот слог открај (Кепески 1946: 22–23)⁷.

Автор укажува, что это правило не распространяется на не полностью адаптированные заимствования: *клишé, бирó, мемо-рáндум*. Небольшой раздел посвящен энклитикам и проклитикам. К. Кепески только наметил основные проблемы, связанные с ударением, более подробно эта важнейшая тема будет освещена в первой статье первого номера журнала «Македонский язык» (Тошев 1950а), а в дальнейшем — в трудах Б. Конеского.

В литературе отмечается роль первой грамматики в оформлении лингвистических терминов (Минова-Ѓуркова 1999: 225). В марте 1945 г. по школам была разослана первая официальная грамматическая терминология, затем вышел МП 1945, но К. Кепески демонстрирует творческий подход, не всегда следуя инструкциям. Ряд предложенных им терминов вошел в научный оборот: *согласка* и *самогласка* (а не *согласник* и *самогласник*, как в МП 1945), *акцент*, *деминутив*, *аугментатив* и др.

Этимология определяется как наука о происхождении и образовании слов, но, по сути дела, этот раздел почти целиком посвящен словообразованию (в издании 1950 г. он неоправданно присоединен к фонетике). Вводятся понятия корня слова, приставки

⁷ «Ударение в нашем языке всегда падает на третий слог, считая от конца слова (справа налево). Если слово двусложное, то ударение падает на второй слог от конца. Напр.: *вóда, нíсмо, сéло*, и т. п. Но если количество слогов — три и более, то ударение падает на третий слог от конца. Напр.: *дéте-дéчиња-дeчињата; водéница-водeницата* и т. п. Вообще, когда в результате присоединения различных морфем количество слогов увеличивается на один, два и более, акцент перемещается, но всегда остается на третьем слоге от конца».

и суффикса. К. Кепески дает небольшие списки продуктивных словообразовательных суффиксов существительных: со значением лица по роду деятельности, со значением глагольного действия, с абстрактным значением и т. п. Приведены группы диминутивных и аугментативных суффиксов. Небольшой раздел посвящен прилагательным. Особую важность словообразования в период бурного развития языка подчеркивает К. Тошев, сетуя на скудность содержащихся сведений. Тем не менее недостаточная освещенность того или иного явления выявляет проблемные зоны, например отношение к сложным словам, которые при формировании научного стиля широко заимствуются из других языков. По мнению К. Тошева, изучение практики народного языка в дальнейшем позволит решить, что из иноязычных заимствований следует принять, а что отбросить как не отвечающее духу народного языка (Тошев 1950б: 205).

«Морфология» включает описание частей речи: существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов и объединенных в группу неизменяемых слов наречий, предлогов, союзов и междометий. В третьем издании к ним добавлены частицы.

Сведения о категориях рода и числа существительных в первом издании носят самый общий характер. Значительно расширен этот раздел в третьем издании. Вкладом К. Кепеского является то, что он подробно описал формообразование, а также рассмотрел три вида множественного числа: обычное (*сноп — снопови*), собирательное (*снопје*) и множественное число точного количества (*два снопа*). Предложенный для последнего термин «*двоинска*» был отвергнут наукой как неудачный, поскольку ассоциировался с двойственным числом, тогда как эта форма употребляется и с другими числительными и некоторыми кванторными словами. В дальнейшем термин был заменен на *избројана множина* ‘счетное множественное’, но важен сам факт фиксации в первой грамматике.

4. Вопрос о склонении существительного.

Взгляды Кепеского и их критика в македонской науке

Наиболее спорным в морфологии оказался вопрос о том, есть ли у македонского существительного склонение.

Как известно, в македонском языке в результате балканизации возникли серьезные изменения в системе форм и грамматических категорий, произошел переход от синтетизма к аналитизму. В современном языке синтаксические связи существительного в предложении выражаются не падежными окончаниями, а с помощью предлогов, кратких личных местоимений (удвоение прямого и косвенного дополнения краткими формами личных местоимений) и порядка слов. По диалектам, однако, все еще можно обнаружить реликты старого склонения. Однако и эти остаточные формы имеются не у всех существительных, а лишь у отдельных лексико-семантических групп. В западных говорах «старую генетивно-аккузативную форму в функции общей формы сохраняют личные имена мужского рода на *согласный*, на *-о* и *-е*, ср.: *Го виде Стојана, Марка, Столета*, термины родства: *тетина, татка, чичета*, производные существительные на *-ко* и *-ло*, обозначающие особенность человека: *Го викна грбла, мрсулка* (номинатив *грбло, мрсулко*). В несколько более тесном ареале сохраняется старая дательная форма синтетического склонения, также у личных имен и терминов родства мужского рода и личных имен женского рода на *-а*: *Му реков Стојану / Илију / Марку, Маркоту / Марко (в) е, Марко (в) и, Петрету / Петру / Петре (в) е / Петре (в) и*, ж. р. *Јани / Јане, тетки / тетке*»⁸ (Видоески 1998: 17).

Дательная форма к моменту кодификации встречалась уже достаточно редко, преимущественно в устойчивых выражениях.

⁸ «Западно то наречје го карактеризираат две групи особини. <...> пазењето на стариот ген.-акуз. облик во функција на општа форма кај личните имиња од м. р. на консонант, на *-о* и *-е*, сп. *Го виде Стојана, Марка, Столета*, роднинските: *тетина, татка, чичета*, и изведениците на *-ко* и *-ло*, што означуваат лична црта на човекот: *Го викна грбла, мрсулка* (:ном. *грбло, мрсулко*). На нешто малку потесен ареал се пази и стариот дативен облик од синтетичката деклинација, исто така кај личните и роднинските имиња од машки род, како и кај имињата од женски род на *-а*: *Му реков Стојану / Илију / Марку*, одн. *Маркоту / Марко (в) е, Марко (в) и, Петрету / Петру / Петре (в) е / Петре (в) и*, ж. р. *Јани / Јане, тетки / тетке*».

К. Кепески указывает, что в ходе развития македонский язык утратил почти все падежи или находится в процессе их утраты, а падежные отношения выражает посредством предлогов, т. е. аналитически. Тем не менее автору не удалось преодолеть стереотипов, сложившихся под влиянием грамматик синтетических славянских языков, и полностью отказаться от идеи склонения, он говорит лишь об упрощении. Из текста видно, как трудно языковую материю подогнать под не отвечающие ей грамматические категории, отсюда противоречивость описания.

Во нашиот јазик можеме да разликуеме во најарен случај до три падежа: *номинатив*, *акузатив* и *вокатив* (кај именките и тоа само во еднина), или *номинатив*, *датив* и *акузатив* (кај личните заменки). Изгубените падежи сега се предаваат со помошта на некој предлог: *од*, *на*, *за*, *со* и др. и општата именска форма (Кепески 1946: 33)⁹.

Примечательна оговорка «в лучшем случае», который имеет место, только если это мужское личное имя или термин родства. Но и эти формы уже носили оттенок некоторой архаичности и вполне могли заменяться формой без падежного окончания. Что касается утраченных языком падежей («изгубените падежи»), то едва ли можно признать корректной формулировку об их передаче синхронными языковыми средствами.

Если следовать логике автора, то оказывается, что в македонском языке есть и другие косвенные падежи, выражаемые существительным с предлогом:

Падежните форми, ако се искажани само во завршоци, без помошта на предлозите, се викаат *независни*. Ако односите на предметите се искажани со помошта на предлози, такви

---

⁹ «В нашем языке различаются в лучшем случае до трех падежей: *номинатив*, *аккузатив* и *вокатив* (у существительных, причем только в единственном числе) или *номинатив*, *датив* и *аккузатив* (у местоимений). Утраченные падежи ныне передаются с помощью предлогов: *од*, *на*, *за*, *со* и др. и общей формы имени».

падежи се викаат *зависни* падежи. Генитивот обично се искажуе со предлог *од* или *на* и именската форма; инструменталот со предлогот *со* и *именската форма*; а локативот со предлозите *во*, *на*, *при* и *именската форма* (Кепески 1946: 33)¹⁰.

Подход Кепеского вызвал резкую критику. Блаже Конески откликнулся специально посвященной вопросу о падежах статьей (Конески 1950). Он ясно показывает, что применительно к современному состоянию македонского языка о падежах можно говорить только для местоимений, формально различающих номинатив (*јас*, *ти*, *тој*), датив (*мене ми*, *тебе ти*, *нему му*) и аккузатив (*мене ме*, *тебе те*, *него го*). Определить же, какие падежные отношения выражает сочетание существительного с тем или иным предлогом, не обращаясь к грамматике падежного славянского языка, невозможно. В заключение он четко формулирует: в македонском языке существительные имеют особую звательную форму, по падежам они не изменяются.

В разделе об артикле К. Кепески объясняет значения дистального, медиального и проксимального показателей:

Секој од трите вида члена си има свое специално значење:

а) Именката употребена со членот *-ов*, *-ва*, *-во*, *-ве*, *-ва*, означуе предмет или лице што се најдуе близу до лицата што зборуат за него: *Волов ќе треба да го нараниме*. — Значи, волот се најдуе близу до оние што зборуат за него.

б) Членот *-он*, *-на*, *-но*, *-не*, *-на*, покажуе дека предметот или лицето за кое се зборуе е малку подалеку, но се гледа: *Човекон врви по мостон*. — Значи, лицата го гледаат отподалеку она за кое што се зборуе.

¹⁰ «Падежные формы, если они выражаются только окончаниями, без помощи предлогов, называются *независимыми*. Если отношения между предметами выражаются с помощью предлогов, такие падежи называются *зависимыми*. Генетив обычно выражается предлогами *од* или *на* и *именной формой*; инструментал — предлогом *со* и *именной формой*; а локатив — предлогами *во*, *на*, *при* и *именной формой*».

в) Членот *-от, -та, -то, -те, -та*¹¹, покаже дека именката употребена со него значи предмет или лице познато веќе на лицето што зборува за него. Пр.: *Човекот дојде*, значи дека дошол човек што ти е од порано познат (Кепески 1946: 38–39)¹².

Три вида артикля были кодифицированы орфографическим кодексом, но без каких-либо комментариев. Оставим в стороне упрощенность формулировок, памятуя, что учебник предназначен для носителей языка, которые умеют употреблять показатель определенности. Существенно то, что наличие тройственного артикля — черта западных македонских говоров, в восточных имеется только один его вид. Потому особенно важно внедрение нормы с тремя видами постпозитивного члена, чего и добивается автор.

5. Македонский глагол в грамматике Кепеского

Описание македонского глагола — чрезвычайно сложная задача даже на современном этапе развития науки, что обусловлено многочисленностью и многозначностью форм, сочетанием унаследованных и приобретенных значений, неравномерностью

¹¹ Выбор формы артикля зависит от окончания существительного, рода и числа: *коњот, владиката, масата, радоста, полето, книгите, рацете, училиштата*.

¹² «Каждый из трех видов артикля имеет собственное значение:
а) Существительное с артиклем *-ов, -ва, -во, -ве, -ва*, обозначает предмет или лицо, которое находится вблизи лиц, говорящих о нем: *Волов ќе треба да го нараниме. (Нам нужно накормить вола.)* — Значит, вол находится близко к тем, кто говорит о нем.
б) Артикль *-он, -на, -но, -не, -на*, указывает на то, что предмет или лицо, о котором говорят, находится в некотором отдалении, но в поле зрения: *Човекон врви по мостон. (Вон по тому мосту идет человек.)* — Значит, лица смотрят с некоторого расстояния на то, о чем говорят.
в) Артикль *-от, -та, -то, -те, -та*, указывает на то, что существительное, употребленное с ним, обозначает предмет или лицо, известное говорящему. Напр.: *Човекот дојде*, значит, что пришел человек, который тебе известен заранее».

протекания процессов преобразования системы по диалектам. И дело не только в формальных различиях, но и в особенностях функционирования, в разном диапазоне значений глагольных показателей. В отличие от большинства славянских языков, македонский язык не только не упростил глагольную систему, но существенно ее усложнил. Возникли новые категории, в частности категория эвиденциальности¹³, содержание которой состоит в обязательном указании на способ получения говорящим информации о действии (личное свидетельство или опосредованный доступ к информации). Эти значения на разных этапах рассматривались в рамках категории времени, затем как одно из наклонений, некоторыми лингвистами — как наклонение иного порядка (вторичное наклонение) и т. д. Науке понадобилось не одно десятилетие, привлечение данных типологии, чтобы прийти к осознанию природы этой категории, отличной от времени и от наклонения, и к определению места эвиденциальных показателей в глагольной системе.

Формы старого славянского перфекта с глаголом *сум* развили эвиденциальное значение, сохранив при этом временное. Глагольная система пополнилась и еще одной инновацией — формами нового перфекта, состоящими из вспомогательного глагола *има* и *-н/-т* причастия среднего рода (*имам дојдено*). Центр их распространения — юго-западные македонские говоры (охридско-стружский регион). Процесс по диалектам протекает неравномерно, так, в некоторых из них старый перфект уже используется исключительно как показатель эвиденциальности, а перфектные значения целиком взяли на себя формы с *има*. Кроме того, широкое распространение получили результативные конструкции типа *сум дојден* ('быть' + согласованное с субъектом причастие на *-н/-т*), которые некоторые исследователи называют третьим перфектом. Полагаем, такая трактовка несколько преждевременна, поскольку количество глаголов, которые могут иметь в этих конструкциях активное значение, довольно ограничено.

---

¹³ Другие термины: свидетельские / несвидетельские формы, категория засвидетельствованности, пересказывательные / непересказывательные формы, категория пересказа, категория пересказывательности, заглазность, аудитив, имперцептив, ренарратив и т. д.

До сих пор в лингвистике нет единого мнения по вопросу о статусе ряда явлений македонской глагольной системы, возникших на балканской почве. Так, формы будущего в прошедшем, в семантическом потенциале которого и темпоральные, и кондичиональные значения, одни ученые считают формой времени, другие — косвенного наклонения (см., напр., Gołąb 1964). Не определен также статус *да*-конструкций: полифункциональное синтаксическое единство или конъюнктив.

Темпоральная система современного македонского литературного языка включает 11 членов (указаны формы 1-го л. ед. ч., для некоторых времен приведены альтернативные термины, встречающиеся в разных грамматиках):

1. Настоящее время (*читам*). Глаголы совершенного вида в форме настоящего времени самостоятельно не употребляются.
2. Аорист (*прочитав*). Образуется только от глаголов совершенного вида.
3. Имперфект (*читав*). Глаголы совершенного вида в форме имперфекта самостоятельно не употребляются.
4. Перфект, сум-перфект, перфект I¹⁴ (*сум читал, сум прочитал*). Кроме темпоральных, формы могут выражать эвиденциальные значения. Б. Конески рассматривает все значения форм в рамках категории времени.
5. Плюсquamперфект, плюсquamперфект I (*бев читал, бев прочитал*).
6. Будущее время (*ќе читам, ќе прочитам*).
7. Будущее в прошедшем (*ќе читав, ќе прочитав*). Формы имеют темпоральные и кондичиональные значения.
8. Посесивный перфект, *има*-перфект, *habere*-перфект, перфект II (*имам читано, имам прочитано*).
9. Посесивный плюсquamперфект, *има*-плюсquamперфект, плюсquamперфект II (*имав читано, имав прочитано*).
10. Будущее результативное (*ќе имам читано, ќе имам прочитано*).

¹⁴ См. (Усикова 2003: 190–209).

11. Будущее результативное в прошедшем (*ке имав читано, ке имав прочитано*). Как и формы будущего в прошедшем, имеют темпоральные и кондициональные значения.

Парам 1) настоящее — имперфект; 2) будущее — будущее в прошедшем; 3) *има*-перфект и *има*-плюсквамперфект; 4) будущее результативное и будущее результативное в прошедшем соответствует по одной несвидетельской форме: 1) *сум читал*; 2) *ке сум читал / прочитал*; 3) *сум имал читано / прочитано*; 4) *ке сум имал читано / прочитано*. Несвидетельская форма аориста: *сум прочитал*. Перфект и плюсквамперфект нейтральны по отношению к противопоставлению свидетельских и несвидетельских форм.

При кодификации, пожалуй, самым сложным (и с формальной, и с семантической точки зрения) было именно описание глагольной системы, отбор форм, которым надлежит придать статус нормативных. Формы представленной выше системы были окончательно отобраны и закреплены Блаже Конеским (Конески 1952–1954). Правда, эвиденциальные значения описаны в рамках категории времени, что обусловлено состоянием лингвистической науки той поры. В соответствии с этим он выделяет будущее пересказывательное время, которое является с современной точки зрения несвидетельской формой будущего и будущего в прошедшем. Все новые перфектные формы у Конеского объединены под рубрикой «Сложные формы с *има* (нема)» (*Форми сложени со има (нема)*), где приводятся и их несвидетельские разновидности. Нынешнее состояние системы подтверждает целесообразность и жизнеспособность проведенной кодификации, следовавшей тенденциям развития языка.

В грамматике К. Кепеского мы не найдем системного описания глагола. Это довольно фрагментарные сведения об отдельных категориях. Тем не менее, здесь впервые фиксируются важные языковые явления глагольной системы поскольку до него были закреплены парадигмы только четырех времен и повелительного наклонения (МП 1945: 11–12).

К. Кепески формулирует значения настоящего и будущего времен, аориста, имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта. Симптоматично, что в качестве основного значения перфекта (*минато неодредено време*) указано эвиденциальное:

Со таа глаголска форма се искажуе дејствие што се вршело или свршило во минатото, за кое што ние узнаваме од некој друг. Затоа ова време се вика неодредено, бидејќи ние самите не можеме дејствието да го посведочиме лично. *Тој работел цел ден* — значи дека нам ни е кажано од некој друг за тоа, а ние самите не сме го виделе (Кепески 1946: 58)¹⁵.

Значение плюсквамперфекта (*бев викал*) Кепески традиционално определуваат како дејствие, кое било совершено или совершено давно и предшествува друго дејствие. Приводат и повеќе ретки вариантни форми типа *беше сум викал*, со неизменливим компонентом *беше* за сите лица и бројки. Во понатамошно ќе бидат кодифицирани формите, кои се формираат со помош на помошното глаголче во имперфекте и л-форми: *бев викал*. Сите останати представени по дијалектима варијанти остануваат надвор од рамките литературногo јазика.

Грамматика закрепнува уште еден важен балканизам: образование на будушето време со помош на частица *ќе*, која се однесува на глаголу 'хотеть', и форми презенса. Примечательно, што автор забележува употреба на помошното глаголче 'иметь' за пренос на предстојачи дејствија: «Идно дејствие се искажуе описно со вакви конструкции: *Има да носам, има да носиш* и сл. Овој начин за искажување на идност обичен е при одречната форма: *Нема да одам, нема да одиш* и сл.»¹⁶ (Там же: 60). Окончателната нормализација зафиксирала двојното образование на отрицателни форми на будушето време во јазикот: *не ќе читам* и *нема да читам*.

¹⁵ «Эта глагольная форма обозначает действие, которое осуществлялось или осуществилось в прошлом, о чем мы узнаем от другого лица. Это время называется неопределенным, поскольку мы не можем лично засвидетельствовать действие. *Тој работел цел ден*. (Он работал весь день.) — значит, что нам об этом сообщил кто-то другой, а мы сами этого не видели».

¹⁶ «Будущее действие выражается описательно с помощью таких конструкций: *Има да носам, има да носиш* и т. д. Этот способ обозначения будущего действия обычен в отрицательной форме: *Нема да одам, нема да одиш* и сл.».

Има да-конструкции не войдут в темпоральную систему, ввиду их неоднородности и присущей им модальной семантики (см., например, Бужаровска, Митковска 2011).

Под рубрикой «Условное наклонение» помещены конструкции с *би* и конструкции с *ке* (аналитические формы). Сослагательное наклонение с *би* (потенциал) в македонских говорах ограничено в употреблении, а в ряде говоров вообще отсутствует. К. Кепески нормирует его употребление (таким же образом поступит в своей грамматике и Б. Конески). Конструкции с *ке* (здесь речь идет о формах типа *ке читав*) — балканская инновация — демонстрируют экспансию, вытесняя конструкции с *би*. Конструкции с *ке* автор трактует как формы наклонения, указывая при этом и свойственное им значение повторяющегося действия. Критикуя Кепеского, К. Тошев отмечает, что между значениями двух наклонений существует различие, которое необходимо отразить: формы с *би* обозначают гипотетически возможное действие, а формы с *ке* — не осуществившееся в прошлом, ирреальное.

Говоря об условном наклонении, К. Кепески отмечает и функционирование в македонском языке форм типа *ке сум викал* (будущее пересказывательное у Конеского), определяя его значение как условное или итеративное действие плюс незасвидетельствованность:

Тој ќе дојдел тогаш, ако го пуштеле. Тие ќе купеле жито, ама немале пари. Петре ќе стасал на време, да не беше му се поболел коњот. <...> Таа конструкција во горните реченици покажуе дејствие условено од друго дејствие во минатото: при тоа дејствието ни е предадено од други неодредено (исто како кај минатото неодредено време). Со него се каже исто така и дејствие што имал обичај некој да го врши: *Спиро ќе земел леб и ќе одел на нива* (Кепески 1946: 61)¹⁷.

¹⁷ «Тој ќе дојдел тогаш, ако го пуштеле. Тие ќе купеле жито, ама немале пари. Петре ќе стасал на време, да не беше му се поболел коњот. (Он бы пришел тогда, если бы его пустили. А они купили бы зерно, но у них не было денег. Петре пришел бы вовремя, если бы не заболел конь.) <...> Эта конструкция в приведенных выше предложениях

В разделе о пассиве содержатся два важных наблюдения. Во-первых, указание на то, что пассивное причастие на *-н/-т* может иметь активное значение: *Јас сум дојден. Тој е сега заспан.* Во-вторых, замечание о том, что причастие в форме среднего рода употребляется с глаголом *имам* почти во всех временах, особенно часто — в прошедших: *Немав чуено такви работи. Тој нема видено такви луѓе (Ја до тех пор не слыхал о таких вещах. Он прежде таких людей не видел.)* (Кепески 1946: 64). Значит, К. Кепески не прошел мимо форм группы *има*-перфекта, хотя и не уделил им особого внимания.

В грамматике регистрируются и результаты регрессивных инноваций: полная утрата инфинитива, пассивного причастия настоящего времени и деепричастия совершенного вида. Активное причастие на *-л* в македонском языке используется только в составе сложных глагольных форм.

Таким образом, следует отметить, что в первой грамматике зафиксированы все формы, которые составят глагольную систему литературного языка. Подробное описание их значений и функционирования еще предстояло сделать в будущем.

В «Синтаксисе» кратко изложены основные сведения о членах предложения, простых и сложных предложениях, видах придаточных предложений, порядке слов. Хотя этот раздел служит учебным целям, нельзя не отметить его пионерское значение. Подробное монографическое описание синтаксиса македонского литературного языка выйдет спустя десятилетия (Минова-Ѓуркова 1994).

6. Заключение

До сих пор в науке уделялось мало внимания оценке и анализу грамматики Круме Кепеского. Между тем она представляет собой чрезвычайно важный этап в кодификации македонского

обозначает действие, обусловленное другим действием в прошлом: при этом о действии нам сообщили другие, оно неопределенное (так же, как при прошедшем неопределенном времени). Оно также может обозначать действия, которые кто-то имел обыкновение совершать: *Спиро ќе земел леб и ќе одел на нива (Спиро, бывало, возьмет хлеб и пойдет на поле)*».

языка. Это второй шаг в стандартизации македонской грамматики после орфографического кодекса 1945 г., который содержит ограниченное число грамматических форм. Справедливо указать на то, что в учебнике Кепеского очерчены практически все формы, которые впоследствии системно и всесторонне были рассмотрены Блаже Конеским в центральном труде македонской кодификации.

Кепеского чаще критиковали, указывая на неверные трактовки, поверхностные решения, а оценка роли сводилась к простой констатации: первая грамматика. В качестве источника ошибок и неточностей критиками называлось помимо прочего и то, что грамматика почти целиком построена на собственных примерах автора и отражает его личную языковую компетенцию. Конечно, назывались и объективные причины недостатков: нехватка времени, отсутствие отечественной грамматической традиции, скудность печатной литературы. Однако нелишне напомнить, что даже ошибки и недочеты послужили делу кодификации, поскольку выявили вопросы, которые ждут решения и нуждаются в дальнейшем исследовании на широком языковом материале.

Грамматика Кепеского положила начало морфологической кодификации, зафиксировав многие языковые явления впервые в македонской науке. Велика ее роль и в деле распространения и закрепления норм литературного языка на начальном этапе стандартизации.

Во вступительной статье к первому номеру «Македонского языка» были сформулированы первоочередные задачи текущего момента: 1) в кратчайшее время подготовить солидную научную грамматику литературного языка; 2) составить словарь, одновременно работая над созданием национальной терминологии для всех отраслей знания; 3) вести постоянную борьбу за чистоту языка в литературе, в печати, на радио, в театре, а особенно — в школах.

Эти задачи были решены. Морфологическую кодификацию, начатую грамматикой Круме Кепеского, можно считать завершённой с выходом второй части грамматики Блаже Конеского в 1954 г. В нормировании лексики основную роль сыграл трехтомный словарь с сербохорватскими толкованиями, объемом около 65 тыс. слов (РМЈ 1961–1966).

Круме Кепески в дальнейшем продолжил работу над третьей задачей — внедрением норм литературного языка в широкие массы. В 1972 г. вышла новая, написанная с учетом всех требований современной науки и методики грамматика для учащихся старшей школы. Она многократно переиздавалась и не одно десятилетие была главным источником усвоения нормы для македонских школьников.

Литература

- Бачанов 1999 — Книга за Круме Кепески / Ред. П. Бачанов. Скопје: Просветно дело, 1999.
- Бужаровска, Митковска 2011 — *Бужаровска Е., Митковска Л.* Личните има даконструкции во македонскиот јазик // Македонски јазик. 2011. 1. С. 120–134.
- Видоески 1998 — *Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик. Т. 1. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 1998.
- Кепеска 1999 — *Кепеска Ј.* Во спомен на мојот татко — Круме Кепески // Книга за Круме Кепески / Ред. П. Бачанов. Скопје: Просветно дело, 1999. С. 149–158.
- Кепеска 2014 — *Кепеска Ј.* За мојот татко, професорот Круме Кепески // *Кепески К.* Статии и анализи за македонскиот јазик. Скопје: Македоника литера, 2014. С. 297–326.
- Кепески 1946 — *Кепески Кр.* Македонска граматика. Скопје: Државно книгоиздателство на Македонија. Скопје, 1946.
- Кепески 1947 — *Кепески Кр.* Македонска граматика. Второ поправ. и допол. изд. Скопје: Државно книгоиздателство на Македонија. Скопје, 1947.
- Кепески 1950 — *Кепески Кр.* Македонска граматика. Учебник во средните школи. Скопје: Државно книгоиздателство на Македонија. Скопје, 1950.
- Кепески 1993 — *Кепески Кр.* Прилепскиот говор. Скопје: Култура, 1993.
- Конески 1950 — *Конески Бл.* За падежите // Македонски јазик. 1950. 8. С. 165–172.
- Конески 1952–1954 — *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Дел I. Скопје: Државно книгоиздателство на НР Македонија, 1952; Дел II. Скопје: Просветно дело, 1954.

- Конески 1957 — *Конески Бл.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Дел. I. Скопје: „Просветно дело“, 1957.
- Минова-Ѓуркова 1994 — *Минова-Ѓуркова Љ.* Синтакса на македонскиот стандарден јазик. Скопје: Радинг, 1994.
- Минова-Ѓуркова 1999 — *Минова-Ѓуркова Љ.* Повеќе од учебник // Книга за Круме Кепески / Ред. П. Бачанов. Скопје: Просветно дело, 1999. С. 224–257.
- Мисирков 1974 — *Мисирков Кр. П.* За македонските работи. Јубилејно издание по повод на стогодишнината од раѓањето на авторот. Скопје: Институт за македонски јазик “Крсте Мисирков”, 1974.
- МП 1945 — Македонски правопис. Скопје: Државно издавачко претпријатие, 1945.
- МП 1950 — *Конески Б., Тошев К.* Македонски правопис со правописен речник. Скопје: Државно книгоиздателство на НР Македонија, 1950.
- Пандев 2014 — *Пандев Д.* Круме Кепески во македонската филологија и лингвистика // *Кепески Кр.* Статии и анализи за македонскиот јазик. Скопје: Македоника литера, 2014. С. 5–17.
- Правопис 1970 — Правопис на македонскиот литературен јазик. Скопје: Просветно дело, 1970.
- РМЈ 1961–1966 — Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Б. Конески (ред.) Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. Т. I: А — Н. Скопје, 1961; Т. II: О — П. Скопје, 1965; Т. III: Р — Ш. Скопје, 1966.
- Стаматоски 1986 — *Стаматоски Тр.* Борба за македонски литературен јазик. Скопје: Мисла, 1986.
- Тошев 1950а — *Тошев Кр.* Акцентот во нашиот литературен јазик // Македонски јазик. 1950. I. С. 2–8.
- Тошев 1950б — *Тошев Кр.* Новото издание на македонската граматика од К. Кепески // Македонски јазик. 1950. 9–10. С. 197–224.
- Тошев 1951 — *Тошев Кр.* Наставно-методската страна на македонската граматика од К. Кепески // Македонски јазик. 1951. I. С. 6–10.
- Ускова 2003 — *Ускова Р. П.* Граматика македонското литературно-го јазика. М.: Муравей, 2003.
- Ускова 2005 — *Ускова Р. П.* Македонскиот јазик // Јазыки мира: Славјанские јазыки. М.: Academia, 2005.

Цыхун 1981 — *Цыхун Г. А.* Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск: Наука и техника, 1981.

Gołąb 1964 — *Gołąb Zb.* Conditionalis typu bałkańskiego w językach południowosłowiańskich. Wrocław; Kraków; Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1964.

Lunt 1952 — *Lunt Horace G.* A Grammar of the Macedonian literary language. Скопје: Државно Книгоиздателство на НР Македонија, 1952.

Елена В. Верижникова: eluska@mail.ru